

5. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века / В. В. Орехов. – Симферополь : ОАО «Симфероп. гор. тип.», 2008. – 200 с.
6. Сомов О. М. Купалов вечер : избр. произведения / О. М. Сомов. – Киев : Дніпро, 1991. – 558 с.
7. Сомов О. М. О романтической поэзии / О. М. Сомов // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. В 2 т. Т. 2. – М. : Искусство, 1974. – С. 545–562.
8. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
9. Щукин В. Г. В мире чудесных упрощений (к феноменологии мифа) / В. Г. Щукин // Вопр. философии. – 1998. – № 11. – С. 20–29.

УДК 821.161.1

Евгений Никольский

ИМАГОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЗЫ ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА (РОМАН «СТАРЫЙ ДОМ»)

В статье рассматривается восприятие Всеволодом Соловьевым (1849–1903) чуждых патриархальному духу сторон российской действительности 20-х годов XIX века: масонства, движения декабристов, хлыстовского сектантства. Показано то, как «чужое» постепенно преобразуется в «свое» за счет смены аксиологической парадигмы. В имагологическом ракурсе творчество исторического романиста Всеволода Соловьева (в особенности роман «Старый дом») рассматривается впервые.

Ключевые слова: имагология, историческая проза, русское сектантство, декабризм, духовные поиски, православие, патриархальность.

Нікольський Є. В. Імагологічна проблематика прози Всеволода Соловйова (роман «Старий дім»). У статті розглянуто сприйняття Всеволодом Соловйовим (1849–1903) чужих патріархальному духові сторін російської дійсності 20-х років XIX ст.: масонства, руху декабристів, хлыстовського сектантства. Показано, як «чуже» поступово перетворюється на «своє» унаслідок зміни аксіологічної парадигми. В імагологічному ракурсі творчість історичного романиста Всеволода Соловйова (особливо роман «Старий дім») розглядається вперше.

Ключові слова: імагологія, історична проза, російське сектантство, декабризм, духовні пошуки, православ'я, патріархальність.

Nicol'sky E. V. Imagological Problematic Prose of Vsevolod Soliviyov (The novel «The Old House»). The article deals with the perception of Vsevolod Soloviev (1849–1903) are alien to the spirit of patriarchal sides of the Russian reality, the 20-ies of the XIX century: the Freemasons, the movement of the Decembrists, Khlyst sectarianism. Showing how the «alien» is gradually transformed into «own» by changing the axiological paradigm. In imagological perspective art historical novelist Vsevolod Soloviev (and in particular the novel «Old House» is considered the first time.

Key words: imagology, historical fiction, Russian sectarianism, Decembrism, spiritual quest, Orthodoxy, patriarchal.

Постановка научной проблемы и её значение. В конце XIX – в начале XX в. романы Всеволода Сергеевича Соловьева знала и любила вся читающая Россия. В 1880-е гг. создано его центральное произведение «Хроника четырех поколений». Автору удалось завершить свой пятитомник о старинном дворянском роде Горбатовых в короткий срок – в год по роману: «Сергей Горбатов» – 1881 г., «Вольтерьянец» – 1882 г., «Старый дом» – 1883 г., «Изгнанник» – 1884 г., «Последние Горбатовы» – 1885 г. В этих произведениях писатель воссоздал быт и нравы русского дворянства на протяжении 90 лет – от эпохи Екатерины Великой до царствования Александра III.

Романы, составившие пентологию, выходили и по отдельности, и в собрании сочинений писателя в 1903–1904 гг. и в 1917 г., а после 1991 г. неоднократно переиздавались. В этих произведениях отсутствуют автобиографические мотивы, главная проблема – осмысление судеб русского дворянства через изучение динамики аристократической культуры на протяжении четырех поколений знатной семьи. Третья часть пентологии (единственная из всего горбатовского цикла) имеет подзаголовок «Роман двадцатых годов XIX века». В российском литературоведении роман-пентология Всеволода Соловьева детально не рассматривался.

Современные исследователи в своих монографиях (С. А. Васильева («Беллетристика Всеволода Соловьёва» (Тверь, 2009) и А. Ю. Сорочан («Формы репрезентации истории в русской исторической прозе XIX века» (Тверь, 2009)) проанализировали лишь отдельные аспекты этого романа: соотношение художественности и документальности (включая использование мемуарных материалов), проблемы художественного метода и гендерные аспекты. В ракурсе имагологии данное произведение, как и вся историческая и социально-психологическая проза Всеволода Соловьева, не изучалось. Между тем, в

творчестве писателя проблема соотношения «своего» и «чужого», типологически иного (прежде всего в аспекте аксиологическом) является одной из наиболее актуальных.

В романе «Княжна Острожская» (1876) писатель рассмотрел с ультрапатриотических гиперславянофильских позиций влияние польской культуры и католичества на украинское население Волыни в XVI ст. В последующих – как художественных, так и публицистических – произведениях Всеволод Соловьев рассматривал различные инородные культуры: Персию, Кавказ и Грузию, Италию с точки зрения русских дипломатов XVII в., восприятие иностранцами допетровской Руси, а также «неорганические» для традиционной православной культуры России явления: спиритизм, мистику Тибета, теософское общество.

Цель исследования. Однако во всем обширном и многогранном наследии писателя роман «Старый дом» является наиболее имагологическим¹, ибо в нем Всеволод Соловьев раскрыл **свое понимание** таких «нетипичных» явлений, как масонство, декабристское движение и великосветское хлыстовское сектантство, а также дал яркие образы «чужих»: французов во время войны 1812 г. и коварного польского «иезуита» в 1820-е гг. Для нашей темы важно и то обстоятельство, что в трактовке имагологов, нация – не есть идентичность (сущность), но идентификация (то есть отношение, отождествление себя с определенными национальными мифами,

---

¹ В данной статье мы придерживаемся понимания имагологии как сферы исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи. Статус имагологии в современном гуманитарном знании не вполне определен. Одни исследователи рассматривают имагологию как теоретическую или историко-литературную дисциплину в рамках литературоведения, как «учение об образах» (Н. Е. Яценко, 1999) или исследование устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах (миры образов – образы мира, 2003), другие – как раздел исторической науки, исследующий те представления о другом народе или стране, которые складываются в общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе (С. А. Мезин, 2002), третьи – как ответвление культурологии или социологии, исследующее представления участников культурного диалога друг о друге (И. Нойманн, 2004), четвертые – как технологию создания имиджей (Г. Г. Почепцов, 2000).

интеллектуальными конструктами, которые лежат в основе ощущения принадлежности к нации и влияют на культурную и социальную практику той или иной нации). Имагология исследует имаготипические структуры, то есть те ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации и их объективирование в литературе.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Роман «Старый дом» посвящен описанию последних лет правления императора Александра I. Основная сюжетная линия связана с историей женитьбы главного героя – Бориса Сергеевича Горбатова. События общероссийской истории здесь, как и в двух предыдущих романах «Хроники...» пересекаются с историей семьи Горбатовых, определяя их течение и характер. Сюжет развивается в нескольких направлениях. Одно из них связано с историей жизни младшего брата, Владимира Горбатова. Следующая немаловажная линия посвящена невесте главного героя Нине Ламзиной и ее родственникам. Для нашей темы наиболее актуально рассмотреть линии Бориса Горбатова и Нины Ламзиной, а также попутно проанализировать и все иные имагологические аспекты произведения.

Нина Ламзина родилась в незнатной дворянской семье и росла сиротой. В детстве она пережила все ужасы наполеоновского нашествия и осады Москвы. Неумелое воспитание няни еще более усилило ранимость девушки, она росла в уединении, и от этого в ней развились мечтательность и болезненная впечатлительность. В юности она вступила в известную во времена Александра I псевдохаризматическую секту Екатерины Филипповны Татариновой, что еще более усилило ее экзальтацию и вконец расшатало нервы. Результат был умопомрачительным – после первого же радения в Татариновой, по ее утверждению, открылся «дар пророчества». Нина стала часто бывать на радениях и пользовалась популярностью среди сектантов и вниманием самой Татариновой, которая обратила внимание на своеобразное «дарование» девушки.

Всеволод Соловьев подробно описывает, как происходили «молитвенные встречи» у сектантов. Собрания начинались с чтения Священных Книг, потом следовали песнопения. Часто и много пелись духовные стихи собственного сочинения, положенные на музыку народных песен, пелись песни хлыстовские: «Царство, ты, царство», «Дай нам, Господи, Иисуса Христа», собственно церковные – «Спаси,

Господи, люди Твоя». За всем этим следовал обряд радения: бесконечное, все ускоряющееся кружение, под выкрики и песни, доводившее всех до состояния экстаза и продолжавшееся до тех пор, пока на кого-то не «накатывало». Это называлось «пришествием Духа Святого», во время которого тот, на кого этот Дух снизошел, начинал проповедовать. Чаще всего проповедовали сама Татаринова или Нина Ламзина.

Как специально отмечал романист, все радения были блестяще срежиссированы, музыкальное сопровождение придумывал профессиональный музыкант, стены были украшены картинами самого Боровиковского, славившегося необычайно богатой гаммой красок. Запах тайны, мрачная красочность обрядов, выстроенных как завораживающее действие, в котором каждый желающий из зрителя легко превращался в участника, привлекали многих. И Нина, с её нервозностью и надломленной психикой, довольно-таки быстро стала «пророчицей». Всеволод Соловьев подробно отмечает истоки и развитие харизматических феноменов в секте. Как человек знакомый не только с мистическими учениями, но и с православным богословием, писатель сразу же отмечает возможность небесного (божественного) происхождения описуемых явлений. На примере судьбы Нины автор показал, что все «необычное» становится плодом невроза, экзальтации, расстроенной психики и пагубно сказывается на здоровье и поведении человека: Нина впадает в полуаутическое состояние патологической замкнутости, у неё портятся отношения даже с родными, нежно её любящими; а после выхода из секты героиня живет недолго, рожденные ею дети умирают в младенчестве. Пребывание в секте настолько истощило Нину, что её жизнь оборвалась довольно рано.

Соловьев был, пожалуй, первым писателем, который не только изобразил хлыстовство само себе, но и показал наиболее типичные последствия сектантства на примере отдельной личности.

Поскольку принадлежность к секте до революции была уголовно наказуема, внешне хлысты старались не выделяться из массы православных прихожан. Автор специально акцентирует внимание на том, что хлысты активно посещали церковные службы и беседы со священниками, на которых сами ругали хлыстов (например, со знаменитым архимандритом Фотием, с которым беседует Нина), из-за чего их часто считали истовыми православными. В действительности, христианские таинства и обряды хлысты считали лишь прообразом

хлыстовских радений и признавали их значение только для тех, кто «не познал истины».

Нравственное учение секты основано на дуалистическом представлении о том, что дух есть доброе начало, а тело – злое. Именно поэтому хлысты проповедовали отказ от брачной жизни и умерщвление плоти. Театр, танцы, музыка, игра в карты и прочие увеселения категорически осуждались. По учению хлыстов, цель человека состоит в том, чтобы освободить свою душу от власти тела, убить в себе естественные желания и потребности, добившись полного бесстрастия, «умереть плотью», чтобы «воскреснуть духом». Любые сексуальные связи у хлыстов теоретически также порицались, однако на практике отвергался только сам институт брака. По мнению хлыстов, первый человек Адам согрешил именно угождением плоти: он впал в «грех» супружества. Поэтому секта предписывала своим членам не жениться и жить с женой, как с сестрой.

Именно так Нина первоначально видела перспективу своих отношений с Борисом, она предлагала ему войти в секту, стать его «сестрицей во Христе», и забыть даже самую мысль о возможности брака и венчания. Но благодаря мудрости Бориса и настойчивости тетушки героини, княгини Маратовой, Нина покидает секту. Однако после того, как она познала истину православия и обрела любовь, её жизнь продолжалась недолго.

Другим чуждым явлением, описанным в романе, было движение декабристов – событие, затронувшее судьбы многих людей и оказавшее заметное влияние на развитие общественных движений и идеологии страны в целом.

Первое упоминание о готовящемся восстании мы встречаем при описании встречи Бориса Горбатова с его друзьями-масонами, во время которой герой произносит следующий монолог. «Прекрасно, – сказал Борис. – Только мне кажется, если риск так велик, если успех так сомнителен, то следует ли приносить такие жертвы? Ведь очень легко ничему не помочь и даром погубить себя. Или Вы думаете, что ваша жизнь, ваша деятельность и без всяких рискованных предприятий в той сфере, какая открыта и доступна, для вас бесполезна?» [1, 320].

Всеволод Соловьев негативно воспринимал не только масонство, но и порожденное им движение декабристов, подтверждением чему явился и приведенный нами монолог героя. Автор в романе «Старый

дом» раскрывает духовно-нравственную эволюцию героя. В детстве у Бориса Горбатова, развивается болезненная мечтательность, экзальтированность, неуверенность в себе и астеничность. На его интеллектуальные интересы накладывается сильный отпечаток мистицизма. Он длительное время проводит в библиотеках России и других европейских стран в поисках сокровенных знаний. Вернувшись в Россию, Борис пытается поведать брату о результатах своих исследований и произносит длинную речь о путях трансформации мирового Логоса, о порождении всего мироздания из самой его сущности, повествует о своем стремлении слиться с «духом мира». Дальнейшие нравственно-идеологические поиски приводят Бориса в масонскую ложу, где он знакомится с будущими декабристами.

Воссоздание атмосферы в декабристской среде напоминает описание якобинского клуба, с которым мы встречались в первой части пентологии. В обоих случаях наблюдается устремленность заговорщиков к террору, озлобление против действующих социальных институтов, жажда крови. Беллетрист, таким образом, создал параллель между кризисными событиями русской и французской истории и высказал свой взгляд на эти события.

Всеволод Соловьев, будучи великолепным знатоком истории тайных обществ и масонства, как мы уже писали выше, разделял распространенные в XIX веке воззрения о некоем «тайном заговоре», предопределяющем течение мировой истории. Одним из проявлений деятельности тайных сил он считал французскую революцию конца XVIII в. В романе «Старый дом» он упоминал о членстве Бориса Горбатова в масонской ложе, что подвигло героя произведения к участию в декабристском движении, где у него было много друзей. Из этих кратких сведений мы можем предполагать, что прозаик также считал восстание 1825 г. следствием некоего тайного сговора. Ведь неслучайно описание собрания декабристов как бы повторяет сцену из романа «Сергей Горбатов», где изображается клуб якобинцев.

Итак, Бестужев, участник заговора, говорит: «...Теми средствами, какие будут в нашем распоряжении, мы должны противопоставить силу силе. Если против нас выставлены ружья и пушки, то мы будем глупыми детьми, когда выйдем на борьбу с ними вооруженные палочками. Против ружей и пушек мы, конечно, должны действовать ружьями и пушками!...» [1, 325]. В то время план мирного консти-

туционно-либерального рішення проблеми не зустрічає масового одобрення і проти нього «началися відродження» [1, 325].

Сам хід повстання (вистрел Каховського в Милорадовича, увещувальна речь митрополитів Серафима і Євгенія) автор не описує детально, а лише відзначає «пунктиром». Все наступні події (арешт Бориса, ссылка в Сибір, сварка між братами) є прямим наслідком повстання декабристів. І тут ми знаходимо, що хід історії передбачає розвиток подій (іншими словами, стає першим ланкою свого роду нового причинно-наслідкового ланцюга) в родині Горбатових. Відбувається розпад родини, а наступні події викладаються в наступних частинах роману-пентології, де імагологічна проблематика представлена незначительно.

Для Всеволода Сергеевича Соловйова декабристський рух і хлыстовство, як випливає з нашого аналізу, були явленнями не просто знаковими, але і чуждими для російської культури і духовності. В межах цієї невеликої статті нам би хотілось розглянути його розуміння даних історичних феноменів в історичному контексті.

Як відомо, в радянський час ця тема стала однією з «дойних корів» офіційної історіографії і розглядалась з незвичайною долей тенденційності. До 1917 р. однозначного погляду на події грудня 1825 р. в Російській імперії не існувало. Багато, безумовно, прагнули побачити в декабристах і їх оточенні – лицарів «без страху і упрека». Інші (їх погляди найбільш повно виразила графиня Толстая де Толь в своїй книжці «Ночні братія») ¹ – лицемірами, бунтівниками проти законної влади, відкинувши норми честі і присягу.

Хто ж все-таки декабристи? Святі в військових мундирах і фраках чи честолюбці з того сорту людей, які завжди поповнюють собою ряди антидержавних заговорів? Відповіді на ці питання розділяються до цих пір.

Широкі кола по сей день вважають декабристів святими, мучениками боротьби за свободу. Інші вважають декабристів чорними

---

¹ Подібні ж погляди висловив в своїх роботах сучасний православний історик і політолог О. А. Платонов і, дуже делікатно і обережно, радянський історик Натан Ейдельман.

злодеями, не имеющими ни одного светлого пятна. Как всегда, крайние мнения содержат только часть истины. Декабристы не святые, но и не злодеи. Правильный взгляд на декабристов, отвечающий объективной истине, будет следующий. Декабристы – это фанатики. А каждый русский фанатик – это эмбрион невольного политического злодея. Во имя осуществления своей политической идеи русский политик готов сжечь и других, и себя. Политический фанатизм делает из русского революционера человека, очень часто готового отдать жизнь во имя всеобщего блага, но готового шагнуть по горло в горячей человеческой крови к светлому будущему фантастической России, построенной по рецепту его партии.

С точки зрения Всеволода Соловьева, восстание декабристов – это дело кучки фанатически настроенных дворян. Декабристам сочувствовала только незначительная часть дворянской интеллигенции из числа «передовых людей», заразившихся любовью к отвлеченной свободе и ненавистью к реальной России. По мнению писателя, декабристы страдали неизлечимой болезнью – полным непониманием государственного смысла русской действительности и русской власти. Эти истерические фантазеры предъявляли всегда такие претензии, каких не в состоянии выдержать никакая власть на свете.

Неприятие Всеволодом Соловьевым декабристского движения может также предположительно объяснить тем, что прозаик считал бунт против законного правительства делом низким и недостойным. Писатель был сторонником самодержавной государственности, «монархистом без рассуждения» и ревнителем аристократической чести. В связи с этим нам хотелось бы привести некоторые суждения Н. А. Бердяева, созвучные, на наш взгляд, идеям романиста. В своей работе «Философия неравенства» мыслитель отмечал: «В бунте и восстании есть что-то рабье и лакейское. Благородный, сознающий свое высшее достоинство, сохраняющий в себе высший образ человека, аристократического духа или аристократической крови, если он не выродился и не пал, найдет другие пути, будет отстаивать правду и право, изобличать неправду и ложь» [2, 588].

В своих взглядах на общество и исторический процесс прозаик, как мы уже неоднократно отмечали выше, во многом следовал заветам своего отца-историка. Как известно, умеренный либерал С. М. Соловьев-старший: «...видел в движении декабристов «младенческий лепет» общеевропейского движения в пользу народностей, о котором

он много размышлял за границей, находил у них «славянскую незрелость, распущенность, лень, и тем значительнее вывод, сделанный им в 1858 г.: «Да не сочтет кто-либо в словах моих укора: сохрани Боже! Грустный опыт, грустный взгляд на настоящее не позволяет мне укорять (их)... прошло более тридцати лет после их попытки, и мы находимся в совершенно таком же положении, как и они» [3, 197]. По мнению историка, восстание декабристов изначально было бессмысленным и бесперспективным и ничего не принесло отечеству.

Подобные мотивы поведения мы можем обнаружить и у героев романа «Старый дом». Борис и Владимир Горбатовы, хотя и не участвуют непосредственно в восстании декабристов, но так или иначе осведомлены о нем. Позже Владимир покидает декабристов из соображений карьеры (впрочем, ради этого он и вступил в тайное общество). Борис, будучи наказанным за свое пассивное участие, разочаровывается в политических движениях. В последствии он видит цель, смысл жизни в служении ближним по евангельским заповедям. Вернувшись после амнистии в европейскую часть России, он делает все, что в его силах, прощая обидчиков, помогая павшим и не погружая свой разум в глобальные проекты и утопии.

В имагологическом ракурсе интересно рассмотреть также и то, как Всеволод Соловьев показывает французов во время Отечественной войны 1812 г. Они представлены сугубо в черных тонах, отсутствует даже намек на какие-либо проявления человечности. Завоеватели грабят и насилуют даже своих, например, французскую актрису, не успевшую вовремя выехать из горящей Москвы, которую от её же соотечественников спасает юный Борис Горбатов. В романе в нарочито мифологическом ключе представлены также и представители польского народа, в частности граф Казимир Щацкий. В этом образе собраны все мифы о поляках, бытовавшие среди русских обывателей в середине и конце XIX ст. У героя типично польское имя, он ревностный католик, иезуит (хотя у этой монашеской, преимущественно священнической конгрегации не было мирянского ордена), к тому он тайный заговорщик, подготавливающий восстание 1831–1812 гг. Но этого мало писателю: коварный лях соблазняет Екатерину Горбатову, которая тайно принимает католичество и рождает незаконного ребенка. Большого количества мифологем об ином этносе в одном

персонаже в русской классической литературе, пожалуй, обнаружить еще где-нибудь сложно.

Выводы и перспективы исследования. Роман «Старый дом» многогранен по своей проблематике. В рамках небольшой статьи мы не можем подробно осветить все аспекты, но отметим основное. Для Всеволода Соловьева типична антитеза «своего» и «иногo», «чуждого», для него характерно **персональное видение** этих категорий. «Свое» – это все то, что соответствует классическим православным ценностям. «Свое» – это патриархальное, а также все то, что не противоречит кодексу дворянской чести и общечеловеческим ценностям. Носителями таких ценностей в романе представлены императрица Мария Федоровна, родители Бориса Горбатова и родственники Нины Ламзиной, генеральша Прошнина и княгиня Маратова. Это верующие православные, добрые и благочестивые люди. Таковы нравственные идеалы писателя. К этой же модели миропонимания после тяжелых испытаний и трагических заблуждений, отказываясь от «чуждого» и принимая утраченное «свое», приходят и главные герои – Борис и Нина Горбатовы.

Дальнейшее изучение проблемы предполагает анализ различных аспектов (эволюцию рецепции декабризма и войны 1812 г. в русской дореволюционной литературе, специфику изображения сектантства, имагологический дискурс в отношении польского и французского народов) как в контексте творчества Всеволода Соловьева, так и русской исторической прозы XIX ст. в целом.

Список использованной литературы

1. Соловьев Вс. С. Старый дом / Вс. С. Соловьев. Семья Горбатовых. В 2 т. Т. 2. – М. : Изд-во «Эксмо», 1995. – 565 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Эксмо, 2002. – 648 с.
3. Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев / Цимбаев Н. И. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 380 с. – (Серия «ЖЗЛ»).